

УДК-32

К ВОПРОСУ О ПРЕСТУПНОМ ГОСУДАРСТВЕ

Д.В. Чернышков¹

В статье анализируется понятие преступного государства и предпринимается попытка выделить его ключевые признаки. Рассматривая преступное государство как противоположность правовому, автор формулирует его рабочее определение: преступное государство — это государство с нелегитимной властью, которая издаёт неправомерные по духу, противоречащие господствующим идеалам справедливости нормы, обязательные к исполнению только для обычных граждан, и проводит их в жизнь посредством систематического насилия. Таким образом, специфика преступного государства состоит в особой, антиправовой природе самого государственного механизма, когда органы власти выступают частями организованного преступного сообщества и могут быть сами квалифицированы как преступные организации. Автором выделяются три основных разновидности преступного государства: военно-националистическая диктатура, тоталитарная идеократия и криминально-этнократические режимы. По его мнению, возникновению преступного государства особо способствуют деградация социальных и политических институтов, ведущая к аномии и архаизации общества, провозглашение независимости новых государств, не имеющих исторического опыта самоуправления, а также захват власти различными военизированными группировками. В заключении статьи намечаются дальнейшие пути научной проработки феномена преступного государства, без которой это понятие может остаться всего лишь публицистическим клише.

Ключевые слова: легальность; легитимность; мифологема; права человека; правовое государство; преступление; преступное государство; справедливость.

Государство существует не для того, чтобы превратить земную жизнь в рай, а для того, чтобы помешать ей окончательно превратиться в ад.

В. С. Соловьёв¹

---

¹ Чернышков Дмитрий Викторович — кандидат философских наук, член Российского общества социологов, сотрудник Научно-образовательного центра инновационных исследований в общественных науках. Бийский технологический институт. E-mail: d_vch@mail.ru.
© Чернышков Д.В., 2017

1. Постановка проблемы

В последнее время интерес ряда отечественных и зарубежных исследователей в области политики и права вызывает феномен так называемого преступного, или криминального, или мафиозного, государства [13; 25; 31; 37; 38]. Подобный эпитет применялся в различном контексте ко многим странам: Бирме, Болгарии, Венгрии, Венесуэле, Гвинее-Бисау, Косову, России и др. В 2010 г. это понятие оказалось зафиксировано в российском политологическом словаре для студентов, согласно которому криминальное государство — это «особый тип государства, характеризующийся определяющим влиянием преступных кругов на политику, криминализацией общественной жизни, использованием преступных элементов в качестве социальной опоры власти» [27, 6].

Справедливую критику этого, чисто описательного, определения дал И. М. Клеймёнов [13, 128], однако весьма искусственной представляется и его собственная попытка, с одной стороны, свести преступное государство к государству тоталитарному [13, 131; 14, 258] (последнее само является скорее разновидностью, «модусом» первого), а с другой — на не вполне ясных основаниях применить это общее понятие к таким разнотипным образованиям, как легистский Третий Рейх (где, например, коммунист Георгий Димитров мог выиграть у нацистов судебный процесс) и Республика Косово (политическая элита которой — выходцы из уголовной среды торговцев людьми и наркотиками) [14, 254–255]. Другими словами, очевидна некая произвольность в идентификации преступного государства, что делает крайне желательным прояснение, концептуализацию и операционализацию этого понятия, превращающегося в публицистическое клише.

Хотя до известной степени понятия «криминальное...» и «преступное государство» синонимичны, однако в дальнейшем будем использовать последнее, поскольку, на наш взгляд, оно более полно и точно характеризует исследуемый предмет, подчёркивая не только и не столько разгул бытовой преступности, сколько специфику функционирования самого государственного механизма, позволяющую квалифицировать в качестве преступных организаций целые органы власти [29].

2. Преступное государство как противоположность правовому

Чтобы понять, что такое «преступное государство», и иметь возможность установить степень преступности того или иного государства, необходимо не только некий «эталон» (попытка обозначить который приводит либо к указанному авторскому произволу, либо к постмодернистскому релятивизму), но и ясное осознание того, чем же является преступление как таковое.

---

¹ Приводится по [4].

Примечательно, что в уголовном праве развитых стран сущностное определение преступления отсутствует [28, 15, 57, 90, 136–137, 222–223, 249], хотя в общем и целом оно нормативистски понимается как действие или бездействие, которое противоречит действующим законам и за которое предусмотрена довольно жёсткая негативная формальная санкция, поскольку главные признаки преступления — именно противоправность и наказуемость. В российском Уголовном кодексе, например, преступлением «признаётся виновно совершённое общественно опасное деяние, запрещённое настоящим Кодексом под угрозой наказания» (ст. 14 УК РФ) [34]. Тем самым преступление определяется через предусмотренное за него наказание, а степень общественной опасности того или иного деяния устанавливает законодатель, который теоретически может делать это по своему усмотрению.

Разумеется, можно в духе Э. Дюркгейма [10, 85–87] интерпретировать преступление как негативное выражение некой социальной нормы, обычно выражаемой запретом (по принципу «Не убей», «Не укради» и т. п.), однако мы тут же вновь угодим в тупик, столкнувшись с ситуацией сосуществования двух параллельных нормативных систем — формальной (предписанной) и фактической (неписаной). К примеру, дача и получение взятки повсюду считаются преступлением, но в то же время своей распространённостью и укоренённостью в самых разных обществах данная практика заставляет предположить, что взяточничество — не столько дисфункция того или иного социального института (правоохраны, образования, здравоохранения и т. д.), сколько полноценный социальный институт, успешно функционирующий в обход системы права.

Это бессилие разума сконструировать дефиницию преступления как такового хорошо выразил умевший найти определение почти всему Г. Гегель: «...нет границы *в себе*, которая указала бы на то, что вредно и что не вредно, а применительно к преступлению — что подозрительно и что не подозрительно, что следует запретить или подвергнуть надзору и что не следует запрещать, за что не следует подвергать надзору, подозрению, допросу или привлекать к ответственности. Ближайшие определения дают здесь нравы, дух государственного устройства, нынешнее состояние, опасность в данный момент и т. д. (...) Здесь невозможно дать твёрдые определения и провести абсолютные границы. Здесь всё носит личный характер, выступает как субъективный момент, и ближайшие обстоятельства должны быть указаны духом государственного устройства, опасностью момента. Во время войны, например, приходится считать вредным то, что обычно не приносит вреда» [6, 266]. Иначе говоря, не существует априорного, наперёд заданного определения преступления, а само признание каких-либо поступков противоправными целиком зависит от конкретных исторических условий.

Однако тот же Гегель даёт ценный аналитический инструмент для того, чтобы в первом приближении подступиться к решению нашей задачи: он

вводит категорию «неправо» [6, 99, 114, 137, 146, 171, 271] для обозначения некой совокупности норм и практик, полностью противоположных духу законности. И поскольку логически очевидно, что преступное государство не может быть правовым, то предварительно положим, что *преступное государство — это государство, систематически (вос)производящее неправо*.

3. Правовое государство как идеальный тип и социально-политическая мифологема

Таким образом, можно попытаться вывести определение преступного государства «от противного» — отталкиваясь от понятия правового государства. Правда, это и упрощает, и усложняет задачу, особенно для отечественного исследователя: хотя сама Российская Федерация провозглашена в первой статье своей Конституции [15] именно правовым государством, но, как признаёт председатель её Конституционного суда, так и не сложилось «в российской юридической науке общепризнанной доктрины правового государства. Нет единства даже в вопросе о том, какие именно признаки правового государства в своей совокупности отражают его сущность» [11, 53]. Тем не менее В. Д. Зорькин формулирует следующие сущностные признаки правового государства: *верховенство права* (критерий которого — соблюдение *прав человека*), *народовластие* и *разделение властей* [Там же].

Легко заметить, что данные «сущностные признаки» таковыми являться не могут. Что касается *народовластия*, интерпретируемого главным образом как всеобщее избирательное право, и *разделения властей* (наличия парламента, правительства и судебной системы), то они не представляют собой исключительных атрибутов того, что обычно понимается под правовым государством: данными признаками обладает подавляющее большинство государств с республиканской формой правления вне зависимости от характера их политического режима.

Понимание правового государства как государства, где реализуется *верховенство права*, во-первых, само по себе тавтологично и ничего не проясняет, а во-вторых, никак не вытекает из составляющих это понятие лингвистических элементов, поскольку неявно подразумевается, что право, верховенство которого реализуется, является «хорошим». Однако, строго говоря, любое государство, если оно в полном смысле слова государство, является «правовым», ведь его «общая воля» неизбежно выражена в национальной системе права. В то же время действующие законы, если их в духе позитивного права понимать просто как нормативно-правовые акты государства, теоретически могут быть любыми: и открыто бесчеловечными, как, например, законы против евреев в упомянутой нацистской Германии, и самыми демократическими, как советские конституции 1936 и 1977 гг., воспользоваться политическими свободами которых, правда, не могло прийти в голову никому,

кроме диссидентов, с их знаменитым лозунгом: «Соблюдайте Конституцию!»

Между тем при словах «*правовое государство*» («*Rechtsstaat*», «*law-governed state*») в нашем воображении встаёт вполне определённый целостный позитивный образ, природа которого, повторимся, никак не связана с категориями «государство» и «право» самими по себе. По нашему мнению, в данном случае налицо социально-политическая мифологема, главная черта которой всегда — ярко выраженная *антикаузальность* (то есть отсутствие внутренней обусловленности, подменяемой «самоочевидностью») при оперировании фактами и понятиями, имеющими несомненное отношение к действительности [23, 51]. Кроме того, данная мифологема, претендующая на универсальность, имплицитно опирается на политическую философию *либерализма*, которая возникает в Новое время параллельно становлению западно-европейского буржуазного национального государства, с его особой правовой культурой, имеющего специфическую природу и потому исторически уникального. Подобной мифологемой, корнями уходящей в европейский же *гуманизм*, является и сформулированное в эпоху Просвещения понятие «*права человека*» [8], так как для индивида, находящегося «внутри» неё, может и не существовать особого противоречия между восстановлением прав человека и массовым уничтожением местного населения где-нибудь на мировой периферии [3, 237]. То есть смысловая нагрузка подобных словосочетаний-мифологем создаётся нами самими за счёт нашего к ним отношения, в результате приписывания им свойств, не следующих из них самих и не являющихся по отношению к ним атрибутивными. В результате длительного усвоения через различные формы явной и неявной индоктринации они превращаются в свою собственную оболочку, лишаются какого бы то ни было содержательного смысла и чаще всего служат в публичном дискурсе просто целям вызывания нужного политического «рефлекса».

Собственно, вышесказанное во многом очерчивает историко-географические и социокультурные границы применимости самого понятия «правовое государство», и на этом можно было бы поставить точку, если бы только вопрос о правовом государстве в конечном счёте не сводился к фундаментальному вопросу Аврелия Августина о том, чем же государство отличается от шайки разбойников и отличается ли вообще [1, 165]. И хотя Ч. Тилли констатирует, что различий не так уж много, а генезис любого государства — не что иное, как история «охранного рэкета» [33], тем не менее современное либерально-демократическое государство западно-европейского типа (назовём его *эмпирическое правовое государство*) всё же во многом приближается к кантовскому представлению о государстве как «объединении множества людей, подчинённых правовым законам» [12, 233]. Его суть подчёркивает Т. Палмер: «Идея в том, что государство само подчинено закону» [24].

Таким образом, поднимаясь над конкретно-историческим евроцентричным представлением о правовом государстве, его можно понимать и как некий идеальный тип государства, строго подчиняющегося, во-первых, собственным законам, которые, во-вторых, сами носят правовой характер. *Преступное же государство, как противоположность правовому, с неизбежностью не только издаёт неправовые по духу законы, но и само не подчиняется собственным законам.* Другими словами, его законы предназначены для кого угодно — только не для него самого («Друзьям — всё, остальным — закон»), то есть отдельные лица или социальные группы (полу)официально ставятся в привилегированное положение по отношению к остальному населению.

4. Правовой закон и коллективные представления о справедливости

Основная сложность состоит в том, чтобы понять, что же собой представляют правовой закон и пресловутый «дух законности», если отойти и от утрированной марксистской трактовки закона как воплощённой воли господствующего класса [19, 443; 20, 322–323], и от веберовского формального понимания права как некоего принудительного порядка, который реализует особая группа лиц [5, 640]. Для этого, по мнению Е. А. Лукьяновой, необходим «естественно-правовой» подход, включающий в себя представления о справедливости, общем благе, определённых свободах и пресечении агрессивного насилия [18]. Правда, вряд ли в таком случае на статус правового государства смогут претендовать сословные [16], этнократические, религиозно-фундаменталистские и т. п. государства, нормативным образом иерархизирующие большие группы людей по тому или иному социально значимому признаку.

Очевидно, законодательство и основанная на нём практика действительно не могут долго и эффективно функционировать в обществе, если совершенно не соответствуют уровню его исторического развития, его культурным традициям и ценностям, коллективным представлениям о правильном и должном, — другими словами, если они не кажутся населению достаточно *справедливыми*. На этот фундаментальный «зазор» между правом и справедливостью, которые решительно разводил и Гегель [6, 259], указывают самые разные авторы в самых разных жанрах.

Так, сидя в тюрьме Бирмингема в 1963 г. за организацию антирасистских акций гражданского неповиновения, Мартин Лютер Кинг в своём знаменитом письме отвечал на упреки в нарушении действующего законодательства: «...есть два типа законов: есть справедливые и есть несправедливые законы. Я бы согласился с блаженным Августином, что «несправедливый закон — это не закон вовсе». В чём разница между ними сейчас? Как определить, когда закон справедлив или несправедлив? Справедливый закон — это

созданное человеком правило, которое соответствует моральному закону или закону Божьему. Несправедливый закон — это правило, которое не находится в гармонии с моральным законом. Выражаясь словами святого Фомы Аквинского, несправедливый закон — это человеческий закон, который не коренится в предвечном и естественном праве. Любой закон, который возвышает человеческую личность, справедлив. Любой закон, который унижает человеческую личность, несправедлив» [36, 7].

А двумя столетиями ранее Дени Дидро в своей повести констатировал: «...есть два рода законов: одни — безусловной справедливости и всеобщего значения, другие же — нелепые, обязанные своим признанием лишь слепоте людей или силе обстоятельств. Того, кто повинен в их нарушении, они покрывают лишь мимолётным бесчестьем — бесчестьем, которое со временем падает на судей и на народы, и падает навсегда. Кто ныне опозорен — Сократ или судья, заставивший его выпить цикуту?» [9]. В ту же эпоху И. Кант задавался вопросом, когда является правым (*recht*) то, что предписывают законы [12, 139], — особое звучание он приобрёл именно в XX в., в течение которого зачастую «люди действовали в условиях, когда всякий моральный поступок был незаконен, а всякое законное действие было преступлением» [2]. Поэтому в полный рост этот вопрос встал в ходе Нюрнбергского процесса 1945–1946 гг., когда пришлось решать, на каком основании вообще можно судить нацистских функционеров, если они только тем и занимались, что неукоснительно выполняли законы: «Если законы намеренно попирают волю к справедливости, например, произвольно предоставляя тому или иному лицу права человека или отказывая в них, то такие законы недействительны, люди не обязаны им подчиняться, а юристы должны найти в себе мужество не признавать их правовую природу» (Г. Радбрух) [Цит. по 7].

Наконец, уже в 2000-е гг. в самой чеканной форме эту мысль выразил кинорежиссёр Жан-Люк Годар¹ в финальных титрах своего фильма «Социализм»: «Когда закон несправедлив, справедливость выше закона» («*Quand la loi n'est pas juste, la justice passe avant la loi*»). Именно на справедливость как на решающий признак, отличающий государство от негосударства, и указывал в V в. упомянутый блаженный Августин: «Итак, при отсутствии справедливости, что такое государства, как не большие разбойничьи шайки...» [1, 165].

Таким образом, не существует, по-видимому, никакого «права в себе», ибо право и может быть опознано только как «справедливость для нас»: «Право — не только совокупность законов, юриспруденция не есть легистика» [18]. Неслучайно сам вопрос о природе и функциях государства впервые в истории мысли подвергается систематическому исследованию именно в связи с вопросом о справедливости: исходной точкой рассуждений в «Госу-

---

¹Во всяком случае, источник предполагаемой цитаты нами не обнаружен.

дарстве» Платона, как мы помним, было классическое определение справедливости как воздаяния каждому должного [26, 84] (фактически — «Каждому своё!»), слабость которого лишь в том, что нам неизвестно доподлинно, чего же заслуживает каждый. Тем не менее в эмпирическом правовом государстве система права всё же видимым образом приближена к господствующим в текущий момент исторического времени идеалам справедливости, одним из которых и являются закреплённые в международных пактах и декларациях права человека на жизнь, свободу, достоинство и собственность: наличие таковых вынуждены сквозь зубы признавать даже систематически их нарушающие режимы, весьма далёкие от евроцентризма, либерализма и гуманизма.

Соответственно, преступное государство, как противоположность правовому, вместо справедливости должно (вос)производить и защищать несправедливость, регулярно нарушая права человека.

5. Легальность и легитимность власти в правовом государстве

Если в дихотомии «право-справедливость» праву очевидным образом соответствует понятие легальности, то функциональным аналогом справедливости как надлежащего порядка вещей (что бы под ним ни понималось) в категориальном поле социальных наук может являться *легитимность*, то есть доверие граждан к власти и к издаваемым ею нормам права.

Как известно, власть может быть легальной (сформированной в соответствии с установленными в государстве процедурами), но при этом совершенно нелегитимной: «...представим себе, что правитель становится тираном и меняет закон по своему усмотрению таким образом, чтобы оставаться у власти столько, сколько ему захочется. Его оппоненты могут считать, что он при этом поступает незаконно, но при действующем правителе у них нет способа доказать это в законном порядке, ведь подконтрольный тирану суд всегда примет решение в его пользу. Чтобы восстановить законность, оппозиции придётся сначала совершить действия, которые с точки зрения действующей власти будут незаконными. Поэтому правитель, оставаясь законным с точки зрения установленного им порядка, может потерять легитимность» [35]. В этом случае правовые «формальности могут быть... превращены в неправоное орудие» [6, 259], а легальная, но нелегитимная власть будет восприниматься массовым сознанием именно как несправедливая. Разумеется, способом разрешения данного противоречия может стать не только восстание, но и молчаливый саботаж [22], а также полное безразличие граждан к политике и уход в частную жизнь [21].

Однако отсюда вытекает важное практическое следствие: по определению располагающая инструментами принуждения государственная власть, если она является легитимной (пользуется доверием граждан, считается ими в целом справедливой), минимизирует применение насилия для проведения в жизнь тех или иных правовых норм, поскольку в этом чаще всего просто нет

необходимости. Следовательно, в общем случае степень легитимности власти будет находиться в обратной (функциональной, но не всегда каузальной) зависимости от количества государственного насилия, величина которого вполне может быть оценена статистически. При этом, как убеждает опыт открыто репрессивных режимов, отсутствие явного противоборства скорее поощряет государственное насилие, хотя оно оказывается более избирательным и менее публичным: вместо подавления массовых протестов (разгона митингов, пресечения забастовок и проч.) власти в будничном порядке занимаются травлей, арестами и убийствами инакомыслящих, фабрикацией уголовных дел, пытками подследственных и т. п.

Таким образом, если в условиях правового государства легитимной власти, как правило, нет нужды использовать специальные меры принуждения, чтобы преодолеть сопротивление своей воле, то *в преступном государстве, как в его противоположности, нелегитимная (несправедливая) власть вынуждена прибегать к систематическому насилию.*

6. Общая характеристика преступного государства

В сущности, чисто логическими средствами мы сконструировали рабочее определение рассматриваемого предмета: *преступное государство — это государство с нелегитимной властью, которая издаёт неправовые по духу, противоречащие господствующим идеалам справедливости нормы, обязательные к исполнению только для обычных граждан, и проводит их в жизнь посредством систематического насилия*, что на практике должно, очевидно, принимать форму произвола.

Тем самым, как уже отмечалось, преступное государство характеризуется не столько криминализацией повседневности¹, сколько своей специфической антиправовой природой, которая вполне может выступать и в форме строгой процедурной законности. Органы же власти такого государства, по сути, являются частями организованного преступного сообщества, которое может даже не осознавать себя таковым, пребывая внутри той или иной мифологической картины мира, созданной при помощи религии либо светской идеологии.

Однако всё это означает также и то, что *преступное государство в пределе является не только неправовым, но и «негосударством»* — скорее, неким квазигосударством², то есть чем-то, что выдаёт себя за государство, но в полном смысле слова им не является. Это позволяет, в частности, немного по-другому взглянуть и на феномен *failed states* — «несостоявшихся госу-

---

1 Это своего рода «акциденция», лишь один из возможных моментов социальной жизни, например в условиях анонии: как известно, особо жестокие режимы «душат» с гражданским обществом и паразитирующую на нём уголовную преступность.

2 Именно так, например, Московский окружной военный суд квалифицировал пресловутую террористическую организацию «Исламское государство» (ИГИЛ), запрещённую в РФ [17].

дарств», исправно поставляющих миру группы террористов, пиратов, нарко- и работорговцев и т. д.

Кроме того, поскольку в силу своих довольно неприглядных качеств преступное государство не может успешно функционировать в условиях сопровождающей глобализацию информационной прозрачности, то его элиты непременно должны быть ярыми поборниками идеи национального суверенитета, под покровом которого можно творить всё что угодно, объявляя это внутренним делом [3, 86, 174, 206, 227]. И если «сущность права состоит в равновесии двух нравственных интересов: личной свободы и общего блага» [32, 533], то не стоит и говорить, что, пока эмпирическое правовое государство пытается нащупать этот хрупкий баланс, преступное лишает людей и того, и другого.

На наш взгляд, преступное государство, соответствующее вышеуказанным характеристикам, представлено в новейшей истории¹ тремя основными разновидностями: 1) *военно-националистическая диктатура* (гитлеровская Германия, Чили при Пиночете, КНДР, аминская Уганда...); 2) *тоталитарная идеократия* (сталинский СССР, маоистский Китай, Демократическая Кампучия, ИГИЛ...); 3) *криминально-этнократические режимы* (Косово, Сомали, Чечня-Ичкерия, ДНР/ЛНР...). Думается, возможны и гибридные варианты.

Микромоделью преступного государства на российском материале является кубанская станица Кущёвская, которой полтора десятка лет управляла организованная преступная группа, настолько сращённая с местными органами власти [30], что уже нельзя было сказать, где заканчивается банда и начинается государство. Кущёвское дело вообще как нельзя лучше иллюстрирует тезис Ч. Тилли о том, что «многие правительства ведут себя, по сути, так же, как рэкетеры. Разница, конечно, есть: рэкетеры, исходя из общепринятого определения, не обладают ореолом святости, в отличие от правительств» [33].

7. Заключительные замечания

Сформулированное нами определение преступного государства само по себе недостаточно для полноценного политологического анализа: без дальнейшей операционализации его составных элементов оно легко может быть использовано в политико-пропагандистских спекуляциях, не имеющих никакого отношения к научному знанию. Поэтому необходима разработка критериев и шкал, которые бы позволили судить о том, в какой степени конкретное государство приближено к сконструированному нами «идеальному типу». Во всяком случае, очевидно, что ключевые показатели — уровни доверия к власти и практикуемого государством насилия — могут быть стати-

---

¹ Возможно, говорить о преступном государстве ранее эпохи массового становления национальных государств вообще мало смысла.

чески оценены, что позволит с цифрами в руках подтвердить либо опровергнуть гипотезу об их корреляции и подвергнуть дальнейшему осмыслению полученные результаты. Также потребуются исследования, которые внесут уточнения в классификацию типов преступного государства, а также вскроют причины и условия его возникновения, особо способствовать которому, видимо, могут: а) деградация существующих социальных и политических институтов, ведущая к аномии и архаизации общества; б) провозглашение независимости новых государств, не имеющих исторического опыта самоуправления; в) захват власти различными военизированными группировками.

«Преступное государство» — та грань, где государство, утрачивая свои общесоциальные функции и достигая максимального отчуждения от гражданского общества, обращается в свою противоположность, в пресловутую «шайку разбойников». Именно поэтому изучение данного феномена также даёт прекрасную возможность заглянуть «под капот» государственной машины как таковой и увидеть механизмы «политической формы организации общества» в самом наглядном, хотя порой и неприглядном виде.

Библиографический список

1. *Августин Блаженный* О Граде Божиим. Минск.; М., 2000. [St. Augustine. The City of God. Minsk, Moscow, 2000].
2. *Арендт Х.* Личная ответственность при диктатуре // POSTNAUKA.RU. 2014. 4 февр. URL: <https://postnauka.ru/longreads/22678> (дата обращения: 30.04.2017). [Arendt H. Personal Responsibility under Dictatorship. *Postnauka.ru*. 04.02.2014. Available at: <https://postnauka.ru/longreads/22678> (accessed 30.04.2017)].
3. *Бек У.* Космополитическое мировоззрение. М., 2008. [*Beck U.* Cosmopolitan Vision. Moscow, 2008].
4. *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. Письмо третье. О государстве // VEHI.NET. 2001. URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/neraven/03.html> (дата обращения: 30.04.2017). [*Berdyayev N. A.* The Philosophy of Inequality. The Third Letter. On State. *Vehi.net*. 2001. Available at: <http://www.vehi.net/berdyayev/neraven/03.html> (accessed 30.04.2017)].
5. *Вебер М.* Основные социологические понятия // Он же. Избранные произведения. М., 1990. С. 602–643. [*Weber M.* Basic Sociological Concepts. In *Weber M. Selected Works*. Moscow, 1990. P. 602–643].
6. *Гегель Г. В. Ф.* Философия права. М., 1990. [*Hegel G. W. F.* Philosophy of Right. Moscow, 1990].
7. *Давлетбаев М.* Законное бесправие // Ведомости. 03.04.2017. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/04/04/683973-bespravie> (дата обращения: 30.04.2017). [*Davletbayev M.* The Lawful Powerlessness. *Vedomosti.ru*. 03.04.2017. Available at:

- <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/04/04/683973-bespravie> (accessed 30.04.2017)].
8. Декларация прав человека и гражданина 1789 г. // Французская Республика. Конституция и законодательные акты / под ред. В. А. Туманова. М., 1989. С. 26–29. [The Declaration of the Rights of Man and Citizen 1789. In V. A. Tumanov (ed.). *The French Republic. The Constitution and Legislative Acts*. Moscow, 1989. P. 26–29].
  9. Дидро Д. Племянник Рамо // LIB.RU. 2002. 24 дек. URL: <http://lib.ru/INOOLD/DIDRO/ramo.txt> (дата обращения: 30.04.2017). [*Diderot D. Rameau's Nephew. Lib.ru. 24.12.2002. Available at: http://lib.ru/INOOLD/DIDRO/ramo.txt* (accessed 30.04.2017)].
  10. Дюркгейм Э. Метод социологии // Он же. Социология. Её предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 7–158. [*Durkheim E. The Rules of Sociological Method. In Durkheim E. Sociology. Its Subject, Method, Mission. Moscow, 1995. P. 7–158*].
  11. Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. М., 2011. [*Zor'kin V. D. The Constitutional and Legal Development of Russia. Moscow, 2011*].
  12. Кант И. Метафизика нравов // Он же. Сочинения в шести томах. Т. 4, ч. 2. М., 1965. С. 107–438. [*Kant I. The Metaphysics of Morals. In Kant I. Works in Six Volumes. Vol. 4, part 2. Moscow, 1965. P. 107–438*].
  13. Клеймёнов И.М. Криминальное государство: введение в проблему // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2012. № 4 (37). С. 127–135. [*Kleymenov I. M. Criminal State: Introduction in Problem. Herald of Omsk University. Series "Law". 2013. No. 4 (37). P. 127–135*].
  14. Клеймёнов И.М. Сравнительная криминология: криминализация, преступность, уголовная политика в условиях глобализации: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2015. [*Kleymenov I. M. Comparative Criminology: Criminalization, Criminality, Criminal Policy in the Context of Globalization. Dr. jurid. sci. diss. Omsk, 2015*].
  15. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/10103000/paragraph/14366:4> (дата обращения: 30.04.2017). [The Constitution of the Russian Federation (adopted on December 12, 1993). *Garant.ru. Available at: http://ivo.garant.ru/#/document/10103000/paragraph/14366:4* (accessed 30.04.2017)].
  16. Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М., 2008. [*Kordonsky S. G. Estate Structure of Post-Soviet Russia. Moscow, 2008*].
  17. Локотецкая М. Варя Караулова не смогла доказать суду, что она не террористка // BFM.RU. 2016. 22 дек. URL: <https://www.bfm.ru/news/342190> (дата обращения: 30.04.2017). [*Lokotetska-*

- ya M. Varya Karaulova Could Not Prove to the Court That She Was Not a Terrorist. *Vfm.ru*. 22.12.2016. Available at: <https://www.bfm.ru/news/342190> (accessed 30.04.2017)].
18. Лукьянова Е.А. О праве налево // Новая газета. 2015. 19 марта. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/03/19/63473-o-prave-nalevo> (дата обращения: 30.04.2017). [*Lukyanova E. A. On the Right to the Left. Novaya gazeta*. 19.03.2015. Available at: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/03/19/63473-o-prave-nalevo> (accessed 30.04.2017)].
  19. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Они же. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 4. М., 1955. С. 419–459. [*Marx K., Engels F. Manifesto of the Communist Party. In Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Vol. 4. Moscow, 1955. P. 419–459*].
  20. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Они же. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 3. М., 1955. С. 7–544. [*Marx K., Engels F. The German Ideology. In Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Vol. 3. Moscow, 1955. P. 7–544*].
  21. Миллер Л. В России формируется неполитическая нация // Коммерсантъ. 2017. 12 апр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3268676> (дата обращения: 30.04.2017). [*Miller L. A Non-Political Nation Is Being Formed in Russia. Kommersant*. 12.04.2017. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3268676> (accessed 30.04.2017)].
  22. Никулин А.М. Сатурналии мощи. Искусство господства и сопротивления в концепции Джеймса Скотта // Отечественные записки. 2003. № 3. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2003/3/2003_3_17.html (дата обращения: 30.04.2017). [*Nikulin A. M. A Saturnalia of Power. The Art of Domination and Resistance in the James Scott's Concept. Homeland Notes*. 2003. No. 3. Available at: http://magazines.russ.ru/oz/2003/3/2003_3_17.html (accessed 30.04.2017)].
  23. Орлов С.Б. Интеллигенция как мифологический феномен. Историко-социологический анализ // Социологические исследования. 2001. № 11. С. 51–58. [*Orlov S. B. Intelligentsia as a Mythological Phenomenon. Historical-Sociological Analysis. Sociological Studies*. 2001. No. 11. P. 51–58].
  24. Палмер Т. Либерализм, глобализация и проблема национального суверенитета // POLIT.RU. 2005. 9 дек. URL: <http://www.polit.ru/article/2005/12/09/palmer/> (дата обращения: 30.04.2017). [*Palmer T. Liberalism, Globalization, and the Problem of National Sovereignty. Polit.ru*. 09.12.2005. Available at: <http://www.polit.ru/article/2005/12/09/palmer/> (accessed 30.04.2017)].
  25. Пастухов В.Б. Государство диктатуры люмпен-пролетариата // Новая газета. 2012. 14 авг. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2012/08/13/50971-gosudarstvo-diktatury-lyumpen-proletariata> (дата обращения: 30.04.2017). [*Pastukhov V.*

- B. The State of the Lumpenproletariat Dictatorship. Novaya gazeta.* 14.08.2012. Available at: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2012/08/13/50971-gosudarstvo-diktatury-lyumpen-proletariata> (accessed 30.04.2017)].
26. *Платон* Государство // Он же. Филеб, Государство, Тимей, Критий. М., 1999. С. 79–420. [*Plato. Republic. In Plato. Philebus, Republic, Timaeus, Critias.* Moscow, 1999. P. 79–420].
27. Политология: краткий словарь политологических терминов (справочное пособие) / сост. Т. Н. Духина, Т. П. Болотова. Ставрополь, 2010. [*Dukhina T. N., Bolotova T. P. (eds). Political Science: A Short Dictionary of Political Science Terms (Reference Book).* Stavropol, 2010].
28. Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии: общая часть уголовного права / отв. ред. Н. Ф. Кузнецова. М., 1991. [*Kuznetsova N. F. (ed.). Crime and Punishment in England, the USA, France, Germany, Japan: General Part of Criminal Law.* Moscow, 1991].
29. Приговор Международного военного трибунала // Нюрнбергский процесс: сб. материалов в 2 т. Т. 2. М., 1955. URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000021/st048.shtml> (дата обращения: 30.04.2017). [*The Sentence of the International Military Tribunal. In The Nuremberg Trial: A Compendium of Materials in Two Volumes. Vol. 2.* Moscow, 1955. Available at: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000021/st048.shtml> (accessed 30.04.2017)].
30. *Сидорчик А.* Ужас Кущёвской. История банды, ставшей властью в отдельно взятой станице // Аргументы и факты. 2015. 5 нояб. URL: http://www.aif.ru/society/law/uzhas_kushchevskoy_istoriya_bandy_stavshey_v_lastyu_v_otdelno_vzyatoy_stanice (дата обращения: 30.04.2017). [*Sidorchik A. The Horror of Kushchevskaya. The History of the Gang That Became the Authority in a Separate Cossack Village. Argumenty i Fakty.* 05.11.2015. Available at: http://www.aif.ru/society/law/uzhas_kushchevskoy_istoriya_bandy_stavshey_v_lastyu_v_otdelno_vzyatoy_stanice (accessed 30.04.2017)].
31. *Снеговая М.* Закон правящего вместо права закона // Ведомости. 2015. 16 дек. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/12/17/621317-zakon-pravyaschego-vmesto-prava-zakona> (дата обращения: 30.04.2017). [*Snegovaya M. The Law of Ruler Instead of the Right of Law. Vedomosti.* 16.12.2015. Available at: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/12/17/621317-zakon-pravyaschego-vmesto-prava-zakona> (accessed 30.04.2017)].
32. *Соловьёв В.С.* Оправдание добра. М., 2012. [*Solov'ev V. S. The Justification of the Moral Good.* Moscow, 2012].
33. *Тилли Ч.* Война и строительство государства как организованная преступность // COMMONS.COM.UA. 2016. 6 апр. URL:

- <http://commons.com.ua/ru/vojna-i-stroitelstvo-gosudarstva-kak-organizovannaya-prestupnost/#more-23789> (дата обращения: 30.04.2017). [Tilly Ch. War Making and State Making as Organized Crime. *Commons.com.ua*. 06.04.2016. Available at: <http://commons.com.ua/ru/vojna-i-stroitelstvo-gosudarstva-kak-organizovannaya-prestupnost/#more-23789> (accessed 30.04.2017)].
34. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.03.2017) // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/10108000/paragraph/26654339:1> (дата обращения: 30.04.2017). [The Criminal Code of the Russian Federation adopted on June 13, 1996. *Garant.ru*. Available at: <http://ivo.garant.ru/#/document/10108000/paragraph/26654339:1> (accessed 30.04.2017)].
35. Юдин Г. Асад законный, но нелегитимный // Ведомости. 2015. 4 окт. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/10/05/611387-vlast-pravo-dorogu-tiranii> (дата обращения: 30.04.2017). [Yudin G. Assad is Legal but Illegitimate. *Vedomosti*. 04.10.2015. Available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/10/05/611387-vlast-pravo-dorogu-tiranii> (accessed 30.04.2017)].
36. King M.L. Letter from a Birmingham Jail. April 16, 1963. *Kinginstitute.stanford.edu*. Available at: http://okra.stanford.edu/transcription/document_images/undecided/630416-019.pdf (accessed 30.04.2017).
37. Magyar B., Vasarhelyi J. (eds.). Hungarian Octopus: The Post-Communist Mafia State (Magyar Polip: A Postkommunisza Maffiaallam). Budapest, 2013.
38. Naím M. Mafia States. Organized Crime Takes Office. *Foreign Affairs*. 2012. Vol. 91, No. 3. P. 100–111.

CONCERNING THE CRIMINAL STATE

D.V. Chernyshkov

Candidate of Philosophical Sciences, Member of the Russian Society of Sociologists, Researcher, Science and Education Center for Innovation Research in Social Sciences, Biysk Technological Institute

The article analyzes the concept of the criminal state and attempts to specify its inherent features. Considering the criminal state as the opposite of the law-governed state, the author formulates its working definition: the criminal state is a state with the illegitimate power, which issues unlawful norms contrary to the prevailing ideals of justice and binding for ordinary citizens only, and enforces them through the systematic violence. Thus, the specificity of the criminal state is represented by the distinctive anti-law nature of the state mechanism itself, when the authorities act as

parts of an organized criminal community and can themselves be qualified as criminal organizations. The author identifies three main types of the criminal state: military nationalistic dictatorship, totalitarian ideocracy, and criminal ethnocratic regimes. In his opinion, the degradation of social and political institutions, leading to the anomie and archaization of society, the declaration of independence of newly formed states that do not have the historical experience of self-government, as well as the seizure of power by various paramilitaries, facilitate the emergence of the criminal state primarily. The conclusion of the article outlines the further ways of the study of the criminal state phenomenon, without which the concept may merely remain a publicistic topos.

Keywords: legality; legitimacy; mythologeme; human rights; law-governed state; crime; criminal state; justice.